

Историческая память в системе приоритетов локального развития территории

Научный руководитель – Кузнецов Александр Евгеньевич

Кетов Иван Владимирович

Студент (магистр)

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Философско-социологический факультет, Кафедра социологии и политологии, Пермь,
Россия

E-mail: jollyget@yandex.ru

Вопросы развития российских территорий обычно рассматриваются через показатели инвестиционной привлекательности, туристического потенциала и эффективности управления, территория воспринимается прежде всего как пространство, которое должно приносить измеримый результат, быть конкурентоспособным и заметным во внешней среде. Однако на уровне локального сообщества приоритеты нередко оказываются иными. Для жителей важным становится не только экономический эффект, но и сохранение тех символических оснований, которые поддерживают ощущение связи с местом, его прошлым и собственным жизненным опытом. По этой причине особое значение приобретает историческая память, позволяющая территории сохранять внутреннюю связность и устойчивость [1;2].

Социокультурная устойчивость локального сообщества определяется не только состоянием инфраструктуры или уровнем благосостояния. Не менее важным является сохранение коллективных представлений о значимости собственного пространства, его истории и морального права на продолжение. Когда территория утрачивает узнаваемые символы, связанные с прошлым, она начинает восприниматься как временная и лишённая самостоятельной ценности. В этом случае ослабевают привязанность жителей к месту, снижается готовность участвовать в его поддержании и возрастает риск постепенного распада локальной общности. Поэтому сохранение памяти нельзя рассматривать как второстепенную культурную задачу: она становится условием воспроизводства самого сообщества [3;4].

Особенно заметно это в малых городах и провинциальных населённых пунктах, где многие проекты развития ориентированы на внешний спрос. Территории предлагается становиться более привлекательными для туристов, инвесторов и посетителей участвовать в конкурсах и создавать «точки притяжения». Но подобная логика не всегда совпадает с ожиданиями местных жителей. Для них более значимыми оказываются не самые эффективные и коммерчески успешные инициативы, а те практики, которые сохраняют непрерывность локальной жизни: благоустройство памятных мест, поддержание мемориальных объектов, сохранение общественных пространств, связанных с историей территории. Эти действия укрепляют представление о месте как о «своём», а не как о площадке для внешнего использования [4;5].

В этом смысле историческая память выступает особым ресурсом локального развития, не сводящийся к набору сведений о прошлом или к музейному хранению отдельных событий. Её функция закрепить память в символических границах сообщества, поддержать преемственность поколений, так формируется доверие к самому пространству жизни. Если материальная инфраструктура обеспечивает повседневное функционирование территории, то символическая инфраструктура делает возможным её восприятие как общего дома, обладающего собственной ценностью. При разрушении такой основы даже внешне успешные проекты могут восприниматься как чуждые и не затрагивающие реальные потребности жителей [2;6].

Существенную роль в выборе локальных приоритетов играют муниципальные управленцы и другие участники повседневного управления территорией. Их положение нельзя описать только через формальную бюрократическую функцию. На местном уровне управленец часто оказывается не просто исполнителем административных предписаний, но и человеком, включённым в жизнь того же самого сообщества. Это влияет на практику принятия решений: наряду с требованиями отчётности и эффективности учитывается значимость тех объектов и инициатив, которые поддерживают внутреннюю устойчивость территории. В результате даже стандартные механизмы проектного управления могут использоваться не только ради внешне заметного результата, но и как инструмент защиты локально значимых форм жизни [7;8].

Отдельного внимания заслуживает связь исторической памяти с переживанием безопасности. В социологической литературе безопасность всё чаще понимается не только как защита от прямой угрозы, но и как состояние предсказуемости социальной среды, в которой сохраняются привычные нормы, образы и связи [3;5]. На уровне локального сообщества это означает возможность узнавать в окружающем пространстве следы общего прошлого, воспринимать территорию как продолжение коллективной биографии. Когда такие основания сохраняются, укрепляется и уверенность в будущем места. Если же они размываются, жители начинают чувствовать символическую неустойчивость, а сама территория утрачивает качество жизненного мира, с которым хочется связывать долгосрочные планы [5].

Историческая память в этих условиях становится не декоративным дополнением к политике развития, а одним из её содержательных оснований. Поддержка памятных мест, локальных символов и значимых для сообщества объектов оказывается связана не только с культурной политикой, но и с задачей удержания социальной целостности. Для провинциальных территорий, испытывающих демографическое и экономическое давление, это имеет особое значение. Устойчивость здесь определяется не столько количеством ярких проектов, сколько способностью подчинять развитие внутренним потребностям сообщества, не разрушая его символическую основу. Поэтому историческая память может рассматриваться как важный фактор социокультурной устойчивости локальных сообществ и как один из ключевых ресурсов территориального будущего [1;2].

Исследование выполняется в рамках гранта. Вот надпись: «Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 24-78-10117 <https://rscf.ru/project/24-78-10117>».

Источники и литература

- 1) Горшков М. К. О социальных результатах постсоветских трансформаций // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 3–17. DOI: 10.31857/S013216250007445-2; EDN: NLCYDR.
- 2) Лапин Н. И. Антропосоциокультурный эволюционизм — метатеоретический принцип изучения сообществ людей // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 3–14. DOI: 10.7868/S0132162518030017; EDN: YVQXQL.
- 3) Зубок Ю. А., Чупров В. И. Рискогенность социокультурной среды обитания как фактор формирования социальных настроений // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 43. С. 148–160. DOI: 10.17223/1998863X/43/14; EDN: XWEBPV.
- 4) Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991. 256 p.

- 5) Weber M. The Theory of Social and Economic Organization. New York: Oxford University Press, 1947. 436 p.